

Взгляд Лу Иханя постепенно похолодел. Президент корпорации "Шэнь" — это просто чрезмерно опекающий отец или же в нём скрывается ужасающее чувство собственности?

Но поскольку он находился в чужом доме, то не стал говорить лишнего, лишь многозначительно произнёс:

— У господина Шэня действительно своеобразные вкусы.

С этими словами он взял рюкзак и ушёл.

Шэнь Мянью на мгновение застыл. Вкусы?

Ладно, какая разница? Он украдкой взглянул на камеры наблюдения, радуясь, что ничего не выдал.

Единственная надёжная опора в этом мире — и её нужно крепко держаться.

Шэнь Мянью, держа в руках "зарубежную классику", подаренную Лу Иханем, собрался вернуться в спальню, чтобы внимательно её изучить, но был остановлен старым дворецким.

Шэнь Мянью смотрел на него, думая про себя: "Неужели он хочет выгнать и меня?"

Дворецкий с серьёзным лицом несколько мгновений стоял молча, затем слегка склонился:

— Молодой господин, хозяин ждёт вас в кабинете.

Шэнь Мянью моргнул:

— Папа зовёт меня? Зачем?

Дворецкий покачал головой.

Шэнь Мянью пришлось передать две книги стоявшей рядом служанке:

— Отнесите в мою комнату, пожалуйста.

Он последовал за старым дворецким, медленно поднимаясь по лестнице.

Кабинет Шэнь Яня находился на четвёртом этаже, и обычно вход туда был строго ограничен. За все годы, что он здесь жил, Шэнь Мянью бывал там всего несколько раз.

Он тихо постучал два раза.

Подождав немного и не услышав "войдите", он уже собирался постучать снова, как дверь открылась.

Мужчина схватил его за запястье, резко втянул Шэнь Мянью внутрь, и дверь с грохотом захлопнулась за спиной.

— Папа?

Он тихо спросил:

— Папа, что с вами?

Шэнь Янь молчал, его лицо было холодным.

Этот мальчишка из семьи Ван осмелился прикоснуться к его сокровищу прямо у него на глазах.

— Вымой руки.

Он произнёс это ледяным тоном, отчеканивая каждое слово.

Шэнь Мянью был в полном недоумении. Его руки были чистыми, зачем же их мыть?

Знатоки в комнате прямой трансляции сразу раскусили суть.

[Оххх, папочка ревнует!]

[Папочка тоже хочет подержать за ручку!!]

[Как можно допустить, чтобы слюна молодого господина Вана осталась на ручке нашего сокровища!]

Шэнь Мянью: "..."

Внезапно стало как-то не по себе.

Но мужчина не дал ему времени на панику, просто подхватил его на руки и отнёс в ванную, посадив на раковину.

Шэнь Мянью сидел на раковине, моргая, чувствуя лёгкое возбуждение.

Мужчина взял его руку, нанёс на тыльную сторону ладони толстый слой мыла и стал тщательно её мыть.

Вскоре раковина наполнилась ароматной белой пеной.

Шэнь Мянью зачерпнул немного пены, лёгонько подул, и она осела на кончике носа мужчины.

Обычно холодный и строгий, недоступный мужчина с белым пятнышком пены на носу выглядел крайне нелепо.

Шэнь Мянью фыркнул и рассмеялся.

Это, вероятно, была первая искренняя, незащитная улыбка, которую он позволил себе в этом мире, и она не ускользнула от взгляда Шэнь Яня.

Уголки губ мальчика изогнулись, его прекрасные глаза-персиковые цветы отражали свет ванной, словно звёздная пыль, а алая слезинка-родинка в уголке глаза невольно добавляла лёгкую соблазнительность.

Тёмные, обычно неподвижные, как воды глубокого колодца, глаза мужчины вдруг заволновались. Взгляд, сердце — всё было заполнено этим ребёнком.

Шэнь Мянью, поняв, что переборщил, поспешил протянуть руку, чтобы стереть пену с носа Шэнь Яня, но прежде чем он успел коснуться, мужчина схватил его за тонкое запястье.

Мужчина опустил взгляд и поцеловал тыльную сторону ладони, пахнущую мятой и лимоном.

— А Цин...

Шэнь Мянью отозвался.

Но мужчина снова тихо позвал:

— А Цин.

Только тогда Шэнь Мянью понял, что ответа не требуется, потому что сильные руки, обхватившие его талию, уже подтверждали его присутствие.

Так что, даже без ответа, этот мужчина знал — он полностью им владеет.

Подбородок мужчины упёрся в довольно хрупкое плечо Шэнь Мянью, он вдыхал запах его шеи, а в глазах бушевала сдерживаемая ярость.

— А Цин нравится Лу Иханью?

Шэнь Мянью замер, не зная, что ответить.

Разве такой человек, как Шэнь Янь, будет против того, чтобы его сын состоял в отношениях с парнем? Настоящая загадка века.

Он сказал:

— Папа, почему вы так спрашиваете?

Шэнь Янь приподнял его подбородок, и его непререкаемый взгляд медленно, дюйм за дюймом, скользнул по лицу мальчика:

— Потому что А Цин слишком близок с Лу Иханем.

Шэнь Мянью ответил:

— Иханью хорошо учится и очень добр ко мне. Если папе это не нравится, я... я больше не буду с ним общаться.

Он ожидал, что как отец Шэнь Янь скажет: "Дружить — твоё право, не обращай внимания на мои чувства".

Однако Шэнь Янь медленно, слово за словом, произнёс:

— Да. Папе не нравится. Совершенно не нравится.

"..."

После этого стало очень неловко.

Шэнь Мянью пришлось, стиснув зубы, кивнуть:

— То... тогда я больше не буду общаться с Лу Иханем.

Шэнь Янь добавил:

— И с Ван Чэнем тоже.

Наглец.

Шэнь Мянь сказал:

— Это не я с ним общаюсь, он сам постоянно пристаёт ко мне, я ничего не могу поделать.

Мужчина приподнял бровь:

— Тогда папа переведёт тебя в другую школу.

"..."

А как же выполнять задания?

Шэнь Мянь покачал головой, ухватился за одежду мужчины и тихо взмолился:

— Папа, мне наконец-то удалось завести друзей, все теперь хорошо ко мне относятся, я не хочу уходить из этой школы.

Его ресницы задрожали, в тёмных, как спелый виноград, глазах выступили слёзы, заблестели слёзинки.

Сердце Шэнь Яня внезапно сжалось от боли.

Он прекрасно знал, как появились эти так называемые "друзья", которые теперь хорошо к нему относятся.

Под давлением власти корпорации "Шэнь", с помощью угроз или подкупа изменившие своё отношение люди — и его сокровище называет их "друзьями".

Шэнь Янь никогда не думал, что когда-нибудь будет так переживать из-за ребёнка.

Он почти растерянно вытер слёзы мальчика, огрубевшие подушечки пальцев скользнули по уголку его глаза, и в мгновение ока фарфорово-белая нежная кожа покраснела.

Шэнь Мяню было так больно, что он готов был выругаться, но мог лишь заплакать, как грустная ива под дождём.

Шэнь Янь, чувствуя и боль, и беспомощность, насколько возможно мягко успокоил:

— Это папа виноват, А Цин, не плачь.

С этими словами он взял лежавшую рядом салфетку и осторожно вытер слёзы мальчика.

Этот хрупкий, как фарфоровая кукла, ребёнок — даже без особых усилий его можно было легко ранить.

Оказывается, любить кого-то, защищать кого-то — гораздо сложнее, чем он представлял.

В конце концов он сдался:

— Чего бы А Цин ни захотел, что бы это ни было, я выполню.

Мальчик, всхлипывая, жалобно сказал:

— Я хочу остаться в Первой старшей школе и дружить со всеми.

Шэнь Янь усмехнулся и кивнул.

Увидев его согласие, в глазах ребёнка мелькнула тень радости, и он добавил:

— И я хочу дружить с Лу Иханем, он лучше всех учится в классе, если у меня будут вопросы, я смогу спросить у него...

Не успев договорить, он увидел, как лицо мужчины потемнело.

Шэнь Мянью, всхлипывая, сказал:

— Вы же только что сказали, что выполните любое моё желание.

"..."

Шэнь Янь молчал, его лицо было холодным.

Он подхватил этого смелого малыша на руки, вышел из ванной, сел на диван и взял сигару.

Шэнь Мянью и так уже сидел у него на коленях, поэтому, увидев это, взял из рук мужчины довольно длинную спичку, ловко чиркнул и, используя ароматную древесину с запахом кедра, неумело, осторожно прикурил сигару.

Он сладко улыбнулся мужчине — на семь частей лести, на три — каприза.

Умение этого ребёнка подносить "сахар" росло, и Шэнь Янь почувствовал сладость до самого сердца.

Аромат табака разлился вокруг. Он погладил озорной хвостик мальчика и спросил:

— А Цин, правда так нравится Лу Ихань?

Шэнь Мянью, умеющий читать настроение, услышав это, мягко ответил:

— Мм, мне нравится Ихань, и новые друзья в школе тоже нравятся, но больше всего я люблю папу.

Мужчина слегка замер. Слова "больше всего я люблю папу", произнесённые мягким, нежным голосом мальчика, продолжали звучать в его голове.

Спустя долгое время он наконец приподнял уголки губ:

— Запомни, что ты сказал.

Шэнь Мянью, поджав розовые губки, осторожно спросил:

— Папа согласен?

Мужчина кивнул, мягко обняв этого прекрасного малыша, и пробормотал:

— Папа тоже больше всего любит А Цина.

"..."

Кажется, здесь что-то не так?

Шэнь Мянью подумал и решил: да, это точно отцовская любовь.

Вернувшись в комнату, Шэнь Мянью посмотрел на себя в зеркало. Уголки глаз всё ещё были слегка красными, что придавало ему вид нежного, вызывающего жалость существа.

Он самодовольно заявил:

— От начала подготовки эмоций до появления слёз — всего три секунды. Если ещё потренировать актёрское мастерство, то кто, как не я, получит следующую награду за лучшую мужскую роль?

Система сказала:

[Если бы хозяин мог плакать, не щипая себя за бедро, было бы ещё лучше.]

"..."

Шэнь Мянью ответил:

— Ты ничего не понимаешь, это техника.

Он поднял взгляд и мельком глянул на комнату прямой трансляции, где комментарии "трогательная отцовская любовь" мелькали без остановки, чуть не ослепив его.

— Думаю, эта аудитория не на высоте, — серьёзно сказал он.

Система:

[???

Шэнь Мянью сказал:

— С такой активностью в комнате трансляции нас быстро вычислят.

<http://bllate.org/book/15553/1414697>